

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Валерий ДУДАРЕВ

(1965-2019)

Бывший главный редактор журнала «Юность» Валерий Дударев ушёл из жизни ровно два года назад – в ноябре 2019 года по причине тяжелейшей болезни. Поэт прожил недолгую, но яркую и насыщенную жизнь. Много путешествовал по России. Работал сторожем, бетонщиком, столяром, архивистом, редактором, преподавал в школе и университете. В 90-е стихи молодого поэта отметил Юрий Ряшенцев, пригласивший Валерия Дударева в журнал «Юность», и с тех пор жизнь его оказалась связанной с журналом на многие годы...

Андрей ШАЦКОВ

ПИСЬМО В НИКУДА

Дорогой Валера!...

Как всё-таки трудна и несправедлива жизнь! А ты ещё уверял в обратном, когда уговаривал меня – редкостного пессимиста – «не опускать рук».

Сам ты их не опускал никогда, даже во время проклятой болезни, которую Вы с женой, счастливо обретенной в самом конце жизненного пути, скрывали ото всех.

«Мужество мужу нужно всегда, и паче всего – в час смерти!» Эти слова великого литературного ратоборца Дмитрия Балашова («Государи Московские») стучатся в моё больное сердце. Но ты-то нес эти слова не час, а ЦЕЛЫЙ ГОД, страдая и мучаясь, ни с кем, кроме жены, не делясь болью.

Лишь однажды в сентябре 2019, выписавшись из реанимационного отделения Ивановской больницы, ты в последний раз сам позвонил мне и сказал, каким-то шелестящим голосом: «Чтобы не случилось – знай, что я очень и очень тебя люблю...» И тут до меня окончательно дошло всё, что смутно роилось в голове...

Ты не потерял интерес к жизни... Публикация в «Литгазете», публикация в «Слове», публикация интервью в «Независимой газет», выход альманаха «День поэзии – XXI век. 2019», где ты в последний раз стал председателем редколлегии НАШЕГО сборника, награждение тебя орденом «Русская звезда» им. Ф. И. Тютчева – обо всём ты успел узнать. Однако я не успел приехать проститься к тебе в Иваново, где ты лежал у Марианны. «Задержала» Корниловская премия, которая вручалась в 15:00 16 ноября в Питере, а ты умер утром этого дня. Память твою и Льва Александровича Аннинского, с которым ты был необыкновенно дружен «по жизни», мы отметили горькой минутой молчания.

Кстати, я знаю, что «дедушка» приходил к тебе накануне своей смерти – 6 ноября. Знаю, что последние месяцы твой мир был полон смутных и грозных видений, и ты постоянно думал о маленьком сыне, удивительно похожем на тебя...

Вчера, отстояв вечернее правило у домашнего иконостаса, я тихо попросил, чтобы ты хотя бы приснился мне, ибо в нынешнем коронавирусном обстоянии невыносимо жить без поддержки друзей. И утром ты явился, со своею замечательной, доброй и всепрощающей улыбкой. Во сне все были молодыми, как 20 лет назад, в самом начале нашей дружбы...

Прошло почти два года с тех пор, когда мы с поэтом Дмитрием Мизгулиным и директором музея-заповедника им. Тютчева Оксаной Шейкиной выполнили твой завет, похоронив тебя – брянца по отцу, на песчаном холме сельского кладбища Овстуга, откуда как на ладони видна усадьба великого русского поэта Тютчева, которого ты боготворил. Сюда же доносится колокольный звон церкви Успения Пресвятой Богородицы, настоятель которой – о. Виктор регулярно приходит к тебе на могилу совершать литию. Приходим и мы, по приезду в Овстуг, хотя бы пару раз в году.

А твоя любимая жена Марианна и твой крохотный сынишка – Валериан остались одни, и поэтическое пространство вокруг них ещё больше съёжилось, как шагреновая кожа.

Но мы всегда будем с ними и с тобою.

Вечная память!

Последние стихи Валерия ДУДАРЕВА

СТРЕЛА

Древний мир живущим не по силам –
Нам осталась таинства зола.

Сквозь века настигла и пронзила
Русича ордынская стрела.

Отмычал пасущийся ветрище.
Отскулил доверчивый гобой.
И разбилось русское ветлище –
Дерево, взметённое судьбой.

Знало всё оно про колыбели,
Про дымы над каждою трубой,
Понимало трели и метели
И держало небо над собой.

Встарь взошли погост и деревенька,
А теперь вот город заложен.
Тяжела последняя ступенька
Золотых бревенчатых времён.

Планомерно забивают сваи,
Вырывают корни из земли,
И звенят далёкие трамваи,
Словно страны дальние
вдали.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Есть высшая доля – однажды,
Всю жизнь отложив на потом,
Пойти одиноким, миражным –
Просёлочным диким путём.

Но в той навалившейся
доле,
Когда опускается мгла,
Есть счастье: добраться
до поля,
Увидеть, как дремлет ветла,

Печальную кликнуть старуху
В глухом, незнакомом селе,
Свою разделить с ней краюху
На этой вечерней земле,
А там, уж совсем по старинке,
Как будто столетия назад,
Испить из предложенной
крынки

Под долгий, внимательный
взгляд,

А после скупого прощанья
Услышать «Исусе спаси!»,
Сдержать вековые рыдания –
И дальше пойти по Руси.

ЦВЕТОК

Где звёзды падают поныне,
Где камень вечен и жесток,
Не то в глуши, не то в пустыне
Рос цветок.
В нём сила истины звучала,
Подвластна Богу одному.
И Божья мать отвечала
Великолепием ему.
И божий сын в завете твёрдом
Ещё до всякого креста
Ему рассказывал с восторгом
Про арамейские места.
И рядом не было ни пчёлки,
Ни человеческой руки,
Лишь плакал ветер, словно чётки,
Перебирая лепестки.

* * *

Посвящено Андрею Шацкову

Я простой православный –
Родовой, рядовой.
Непутёвый, не главный –
Я хребет становой!
Как великую тайну,
«Отче Наш» повторю,
Хоть давно не пытаюсь
Доползти к алтарю,
Где крепка и парадна
Вся церковная рать,
Может враз беспощадно
И хвалить, и карать.
Я затих у крылечка
В дальнем храме в углу,
Где дешёвая свечка
Распечатала мглу.
Я молюсь, как скотина,
В эту самую мглу,
А старушки мне в спину
Посылают хулу.
А дьячок пьяный позже
Хмыкнет: «Ну и артист!»
А ещё я раб Божий,
А ещё – атеист.
Я и ровный, и равный,
Я и зэк, и конвой.
Я – простой православный.

Родовой, рядовой.
Я за Русь, за Победу,
Под вороний ли грай
Божьей волей поеду
То ли в ад, то ли в рай.
Я ропщу. Я – доволен.
Я – изгой. Я – народ.
И гудит с колоколен:
«Коммунисты, вперёд!»

КАЧАНИЕ ДЕРЕВЬЕВ В АВГУСТЕ

Он увидел — увидел себе на беду
Качание олив в Гефсиманском саду,
Какого не знали ни жрец, ни мудрец,
Какое увидел лишь Он да Отец.

Родные, не бойтесь, откройте все двери,
Ведь реквием вечен ни год и ни век.
Пускай на земле остаются Сальери,
И чёрный хохочет опять человек.

Важней впереди очертанье Голгофы,
Важней кипарисы – туги и прямы.
Пускай на земле оболгут «Меренгофы»
Качанье деревьев вдоль света и тьмы.

Молитвой наполнятся звуки простые
Сверчка и цикады в назначенный час.
Лишь в августе ночи как мёд золотые
Одарены отсветом греческих ваз.

Земная механика крутит вселенной,
Холодные звёзды в ладонях согрев,
Пока ещё есть на земле этой тленной
Пространство и время качанья дерев.

* * *

Здесь улицы нету Овидия.
Домишки, окошки, чай.
Какая глухая провинция!
Какая простая печаль!

Но только вот здесь, между грозами,
В вечернем затишье поймёшь –
Со всеми узорами, взорами,
Что небо с земли не сотрёшь.

Засветит цветок с подоконника,
И крест на могиле пустой –

Иконы здесь будут – иконами,
Звезда – Вифлеемской звездой.